
ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Николай Вольтович Демидов

*Заведующий кафедрой трудового права и права
социального обеспечения НИИ Томского государственного
университета, кандидат юридических наук, доцент
E-mail: fra_nickolas@list.ru*

Правосознание и правовая культура рабочих Российской империи как фактор зарождения законодательства о труде

Аннотация. Актуальность темы обусловлена тем, что впервые в науке исследуется содержание и значение трудово-правового сознания культуры рабочих Российской империи как фактора генезиса фабричного законодательства. Предметом исследования выступило состояние правовой культуры класса промышленных трудящихся XIX — начала XX в. Цель работы — формирование целостного представления о психологическом факторе генезиса зарождения законодательства России о труде. Используются историко-правовой и историко-социологический методы. Новизна исследования объясняется крайне ограниченным вниманием специалистов к проблематике связи правосознания трудящихся и развития законодательства о труде в указанный период. Сделан основной вывод, согласно которому воздействие промышленных рабочих на принятие и реализацию фабричных законов было во многом негативным. Рабочие периода империи сохраняли доиндустриальные ценностные установки и стереотипы поведения. Приверженность неюридическим регуляторам, правовые индифферентизм и нигилизм, антагонистичность по отношению к государству и его институтам прямо противоречили юридизации отношений по труду. Лишь на рубеже XIX — XX вв. в узкой прослойке трудящихся возникло осознанное отношение к праву.

Ключевые слова: фабричное законодательство, генезис законодательства о труде, история трудового права, фабричные рабочие, Российская империя.

Nikolay Voltovich Demidov

*Head of the Department of Labor Law and Social Security Law
at Tomsk State University, Candidate of Legal sciences, Docent*

Legal Awareness and Legal Culture of Workers of the Russian Empire as a Factor in the Emergence of Labor Legislation

Annotation. For the first time in science, the content and significance of the labor and legal culture of workers in the Russian Empire as a factor in the genesis of factory legislation are studied. Historical-legal and historical-sociological methods are used. The purpose of the work is to identify the connection between the sectoral legal consciousness of workers and the development of labor legislation in the 19th — early 20th centuries. It is concluded that the impact of industrial workers on the adoption and implementation of factory laws was largely negative. Workers retained pre-industrial value systems and behavioral stereotypes. Commitment to non-legal regulators, legal indifference and nihilism, antagonism towards the state and its institutions directly contradicted the

legalization of labor relations. Only at the turn of the 19th – 20th centuries, a conscious attitude to the law arose in a narrow stratum of workers.

Keywords: *factory legislation, genesis of labor legislation, history of labor law, factory workers, legal consciousness, legal culture, Russian Empire.*

Раннее становление и развитие законодательства России о труде происходило в XVIII–XIX вв. Процесс юридизации трудовых отношений, их возведения в нормативно регулируемое состояние определялся различными факторами. К объективным следует отнести условия экономики, политики, социального уклада, уровень развития юридической техники, механизм государственного управления, детерминанту предшествующего опыта в сфере найма труда. Обычно отечественная правовая наука обращается именно к этим, формализуемым категориям. Однако не менее важным для истории генезиса норм о наемном подчиненном труде представляется сумма субъективных факторов. Они охватывают явления правовой культуры различных групп – нанимателей, рабочих, государственных служащих. Данные показатели, выявляемые историко-социологическими методами, оказывали существенное влияние на закрепление норм о труде. Они выступали мультипликатором, определяющим как направления централизованной политики в области найма труда, так и практическую реализацию законодательства в поведении работника и работодателя. В общей национальной правовой культуре, обусловившей зарождение рабочего законодательства, известная роль принадлежит и состоянию правовой культуры заводских и фабричных рабочих. Изучение имеющихся источников по заявленной теме позволяет обнаружить определенную динамику в развитии трудово-правовой культуры рабочих России XVIII–XIX вв., ее связь со становлением отечественного законодательства о труде.

Важным фактором становления раннего трудового (фабричного, промышленного, рабочего) законодательства стал крестьянский генезис мануфактурных и заводских рабочих XVIII и XIX вв. Он предопределил особенности их мировосприятия, трудового поведения, правовых представлений и ожиданий. Необходимо признать существенный элемент негативного воздействия отраслевого трудово-правового сознания и правовой культуры трудящихся на становление и развитие юридических норм о труде. Составляющие крестьянской ментальности прямо или косвенно выступали сдерживающим фактором. Среди таких исторически выработанных черт сознания можно выделить: достаточно пассивное отношение к легальной защите собственных прав и интересов; предпочтение неформальных средств протеста в виде самовольного оставления работы, погромов, предъявления устных жалоб; пассивное ожидание внешнего властного вмешательства в трудовые конфликты с нанимателями; консервативное избегание новационных моделей поведения, склонность к воспроизводству устоявшихся стереотипов трудового поведения; отчужденность от идеи диалога с нанимателями и государством; приверженность не формальной законности, а этическим категориям добра, зла, справедливости, правды (даже в начале XX в. рабочие подавали жалобы на нарушение справедливости, не ссылаясь на нормы права и имея самые слабые представления о них [1]); приверженность неюридическим неписаным регуляторам трудовых отношений; казуистичный ненормативный подход к регламентации отношений по труду – в крестьянской, а затем и заводской среде существовали микроколлективы (артели, бригады), в которых нарушитель трудовой дисциплины и этики судился внутренним судом и привлекался к ответственности «смотря по человеку» с последующим равным распределением денежных возмещений между виновными [2, с. 15–16].

Следует отметить и значительную степень правового нигилизма наемных рабочих, имеющих широкий опыт нарушений собственных трудовых прав и безуспешных попыток их защиты правовыми средствами. В науке это подчас признается внеисторическим элементом национальной отечественной правовой культуры. Закон в этой парадигме мышления – негативное явление, изощенный инструмент эксплуатации, «средство ущемления государством прав личности и общества», из чего следует резонный вывод, что «закон следует игнорировать и не исполнять» [3, с. 212]. С. В. Рузин делает вывод о том, что этатизм и правовой нигилизм в целом следует признать типичными свойствами правосознания промышленных рабочих даже в начале XX в. [4, с. 10]

Таковы основные характеристики правосознания и правовой культуры российских рабочих эпохи Российской империи, в сумме послужившие основаниями трудовправовой «антикультуры». С указанными особенностями плохо коррелировали административный юридический формализм, легальная защита трудовых прав, диалог с государством и фабрикантами. Власть со своей стороны слабо способствовала преодолению социальной изоляции как крестьянства, так и промышленных трудящихся.

Предпосылкой к отчужденности рабочих от идеи законодательства о труде стал феномен сельской общины. В XVIII и большей части XIX в. она выступала главным институтом, упорядочивающим повседневную жизнь основных видов индустриальных рабочих: приписного, посессионного, отходника. Внутриобщинной иерархией перечисленные выше ментальные и поведенческие стереотипы консервировались в логике доиндустриальной «выживальческой» модели, вопреки западноевропейской модели обогащения. Российский рабочий, не оторвавшись в полной мере от сельского образа жизни, будучи часто отходником, прилагал по возможности меньше усилий для выполнения собственных обязанностей. Воспроизведение данного паттерна во многом объясняется марксистской концепцией отчуждения трудящегося от результата собственной производственной деятельности, крайне неблагоприятных условий труда. В дальнейшем на этой основе формировались и цементировались перечисленные выше неконструктивные психологические установки. Возникла также практика внешней дестимуляции эффективного труда: попытки трудиться сверх необходимого для удовлетворения базовых потребностей не одобрялись коллективом и преследовались неформальными средствами. Так, по словам Б. Н. Миронова, «преобладание нерабочего времени над рабочим — черта традиционного сообщества, к которому относится и русская сельская община» [5, с. 100–101]. В условиях императивного регулирования отношений по труду со стороны микроколлектива и в пределах частных соглашений с нанимателем юридическая регламентация значительно теряла в актуальности. Так, по утверждению правоведа конца XIX в. М. И. Зарудного, даже «само понятие „закон“ крестьяне использовали в понимании „обычай“» [6, с. 94]. Публицист 1880-х гг. писал: «Выражает ли это, что крестьяне во всех этих случаях по отношению к себе признают справедливость законных постановлений, а потому применяют закон вполне сознательно, а не потому что это приказано? Едва ли можно дать на это положительный ответ» [7, с. 186]. В работах юристов XIX в. описывался крестьянский суд пореформенной эпохи, лишь имитировавший правосудие на началах позитивного права: «в решениях волостных судов нередко помещаются ссылки и на законы, но большею частью не видно никакой связи первых с последними, т. к. не только для судей, обыкновенно неграмотных, но и для волостных писарей самое понимание смысла законов нельзя считать делом легким и доступным» [8, с. 393–394].

Сельские конструкты мировосприятия воспроизводились и в фабричной жизни, в том числе и при достижении наивысшего уровня профессионализации — при переселении в город и полном отрыве от земли [9, с. 343–344]. Отсюда длительное, затрудненное формирование индустриальной трудовой этики, отказ от обращения трудящихся к позитивному праву. Такое положение во многом устраивало и государство, от которого не требовалось организационных и финансовых затрат на упорядочение отношений по фабричному труду, на надзорно-контрольную деятельность, на организацию системного правосудия по разрешению трудовых конфликтов. Это нередко казалось правильным и представителям науки, бизнеса, власти — всем сторонникам «отеческой» верноподданной организации социального уклада империи. Так, еще в начале XX в. в российском обществе звучали заявления о том, что активное вмешательство государства в отношения по труду лишь вредит веками слагавшимся устоям, патриархальной заботе «хозяина» о работниках [10, с. 251].

Рабочие не только отношением к фабричному праву, но и активным поведением нередко мешали юридическому упорядочению трудовых отношений. Получив первые фабричные законы 1880-90-х гг., рабочие подчас осознанно нарушали их по мотивам внутренней конкуренции и повышения заработка. Так, женщины преступали правила об ограничении ночных работ, поскольку ночной труд оплачивался выше. Слабая востребованность законодательства объяснялась и неграмотностью рабочих. В 1887 г. на полотняном производстве Ярцевской фабрики рабочие отказались соблюдать

положения закона от 03.06.1886 по той причине, что на полиграфических листах стояла запись об их печати в г. Шуя. Рабочие пришли к солидарному выводу, что «законы в Шуе не печатаются». Р. Р. Мустафин показывает систему нарушений правил оформления и выдачи расчетных книжек и делает вывод, что «в некоторых случаях сами рабочие находили для себя удобными те обыкновения, которые сложились на производстве до принятия первых фабричных законов в 1880-х гг.» [11, с. 66]. Специалистам известна цитата А. А. Микулина, описывающего поведение рабочих в случае инспекторской проверки на фабрике: «В большинстве случаев во время расспросов рабочих из их ответов нельзя было ничего больше узнать, как то, что все делается совершенно правильно, даже в тех случаях, когда уже заранее известно, что на фабрике существуют злоупотребления» [12, с. 68].

Ранняя стадия развития правосознания и правовой культуры рабочих характеризовалась также потребительским отношением к нормам права. Фабричный инспектор А. К. Клепиков (псевдоним — С. Гвоздев) писал, что цель жалобы рабочего в фабричную инспекцию — не восстановить нарушенное право, а получить компенсацию, т. е. выгнать по случаю, а не добиться порядка. «Заявленная рабочим жалоба, даже резко выраженная, на непорядки, которые он терпел в течение долгого времени, является совершенно случайной; ... сорвав с фабриканта сейчас, он в дальнейшем будет молчать по-прежнему и спокойно позволит нарушать свои права» [13, с. 239–240]. Подобное поверхностное отношение к собственным правам вполне отвечает идее неразвитого правосознания рабочих, которое также препятствовало надлежащей реализации фабрично-заводского законодательства.

Деструктивной трудово-правовой культуре рабочих отчасти способствовала политика власти. Наиболее актуальными задачами престола выступали удержание власти, извлечение доходов, обеспечение внешних военных успехов. Как рабочий, так и фабрикант ожидали от власти по преимуществу очередных обременений, связанных с обеспечением государственного интереса. Наличие непрерывно тлеющего трудового социального конфликта заботило власть в гораздо меньшей степени, чем извлекаемые из эксплуатации труда выгоды. Так хозяйственный и политический уклад Российской империи обусловил существование большого сегмента социально-трудовых отношений, регламентируемых неофициальными предписаниями.

Большую часть истории промышленных трудовых отношений в Российской империи контингент рабочих выступал сдерживающим фактором становления фабричного законодательства. Однако необходимо отметить и положительную динамику правовой культуры рабочих. Важной причиной разработки системного рабочего законодательства в XIX в. стало формирование новой промышленно-трудовой субкультуры трудящихся. Она постепенно заменяла прежнюю правовую культуру крестьянина, дискретно выполняющего работы на мануфактуре, фабрике, заводе. Экономические и социальные посылки к этому являлись первичным фактором, однако влекли за собой прочные изменения сферы сознания. Параллельно профессионализации рабочих, отрыву от села, накоплению особых корпоративных образцов поведения происходили рационализация и индивидуализация сознания. Профессиональному промышленному рабочему, ведущему внеобщинный образ жизни, во многом маргинализованному, требовались новые регулятивные институты, основанные на транспарентности правил, нормативной модельности, формальном равенстве участников отношений. Происходила прагматизация и рационализация мышления корпорации городского пролетариата. То, что славянофилы-почвенники клеймили как рост расчетливости и эгоизма в жизни обывателя [14, с. 334], было объективным процессом ухода от архаической системы отношений, основанной на общинных практиках и сословном крестьянском обычном праве.

Таковы характеристики социально-психологического фактора формирования законодательства о наемном подчиненном труде в XVIII и XIX вв. с позиции наиболее массового субъекта — рабочих. Промышленные рабочие в России с их консервативной правовой культурой во многом выступали сдерживающим фактором для юридизации отношений по труду. Представляя собой по преимуществу выходцев из крестьянства, они отличались низким уровнем грамотности как таковой и почти полной правовой неграмотностью. Вплоть до начала XX в. им свойственны были архаичные представления

о юридической стороне трудового найма, стереотипное недоверие к суду, государству и закону как чуждым для себя институтам, тяготение к неписаному праву, корпоративная замкнутость. Рабочие выступления носили узкоцелевой характер и были направлены на разрешение конкретных конфликтов с нанимателем, а не на юридическое обеспечение их интересов.

Положительное значение феномена пролетариата для истории отечественного трудового права заключалось не только в прямом истребовании у власти фабричных законов. Пролетариат стал фактором формирования новой трудовправовой культуры в среде рабочих и в обществе в целом. Отечественный класс наемных промышленных рабочих формировался в последней трети XIX — начале XX вв. Этот процесс сопровождался «открытием» фабрично-заводской сферы для общества через средства массовой информации. Ознакомление с опытом фабрично-заводского труда и повседневной жизни трудящихся, способность рабочих заявить о своих интересах, массовость этой социальной группы, возрастание ее роли в национальном хозяйстве обусловили формирование новой парадигмы мышления в высших административных кругах и в общественном мнении. Такой парадигмой станет признание необходимости социального компромисса в регламентации отношений по труду. В дальнейшем эти новые мировоззренческие установки обусловили концептуальные новеллы в отечественном законодательстве XIX в. о несамостоятельном договорном труде. В сословном прежде государстве возникал класс промышленных рабочих, отличавшихся сравнительно высоким уровнем культуры, самосознания, организации. Таким образом, как рабочая субкультура XVIII—XIX вв. сдерживала развитие отечественного фабрично-заводского законодательства, так к началу XX в. она стала одной из посылок к развитию юридических норм о наемном труде. Пример развитых стран мира показывает, что именно формирование конструктивной трудовправовой культуры ведет к закреплению социально-трудовых прав и гарантий трудящихся, обеспечивает справедливое разграничение интересов работника и работодателя, укрепляет социальный мир. Однако последовательно воплотить подобную модель России не удалось ни в XIX, ни в XX вв., а сама данная эволюция общественного сознания продолжается и поныне.

Пристатейный библиографический список

1. Володин А. Ю. «Жалобу Доносить Вашему Всоко Родею Господину Инспектору» (жалобы рабочих участковому фабричному инспектору на рубеже XIX—XX веков) // Экономическая история. Обзорение / под ред. Л. И. Бородкина. М., 2001. Вып. 6. С. 26—35.
2. Кирилин А. В. Крестьянское обычное право в волостных судах и государственная политика пореформенной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
3. Чикаева Т. А. Особенности российского правосознания и проблемы построения правового государства в России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 12-1. С. 211—213.
4. Рузин С. В. Правосознание промышленных рабочих России во второй половине XIX — начале XX в. и его роль в трансформации Российского государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2012.
5. Миронов Б. Н. Отношение к труду в дореволюционной России // Социологические исследования. 2001. № 10. С. 99—108.
6. Зарудный М. И. Законы и жизнь. Итоги исследования крестьянских судов. СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1874.
7. Тютрюмов И. Внутреннее обозрение. Крестьянский суд и начала народно-обычного права // Русское богатство. 1883. № 9. С. 184—225.
8. Пахман С. В. Обычное гражданское право в России: Собственность, обязательства и средства судебного охранения. Юридические очерки. Т. 1. СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1877.
9. Миронов Б. Н. «Послал Бог работу, да отнял черт охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М. : Росспэн, 1999. С. 243—286.
10. Качоровский К. Р. Народное право. М. : Молодая Россия, 1906.

11. Мустафин Р. Р. Правоприменительная деятельность присутствий по фабричным и горнозаводским делам (1886–1917 гг.) // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2014. № 7. С. 61–77.

12. Микулин А. А. Фабричная инспекция в России. 1882–1906. Киев : Тип. С. В. Кульженко, 1906.

13. Гвоздев С. Записки фабричного инспектора (из наблюдений и практики в период 1894–1908 гг.). М. : Тип. В. Рихтер, 1911.

14. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : в 2 т. Т. 1. 3-е изд., испр. и доп. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003.

References

1. Volodin A. YU. «Zhaloby Donosit' Vashemu Vsoko Rodeyu Gospodinu Inspektoru» (zhaloby rabochih uchastkovomu fabrichnomu inspektoru na rubezhe XIX–XX vekov) // Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie [“Complaint to Your Highness the Lord Inspector” (complaints of workers to the district factory inspector at the turn of the 19th and 20th centuries) // Economic History. Review] / edited by I. Borodkin. M., 2001. Issue 6. Pp. 26–35.

2. Kirilin A. V. Krest'yanskoe obychnoe pravo v volostnyh sudah i gosudarstvennaya politika poreformennoj Rossii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. [Peasant customary law in volost courts and state policy in post-reform Russia: author's abstract. dissertation for Candidate degree in legal sciences] M., 2005.

3. CHikaeva T. A. Osobennosti rossijskogo pravosoznaniya i problemy postroeniya pravovogo gosudarstva v Rossii // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. [Features of Russian legal consciousness and problems of building a legal state in Russia // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice]. 2013. No. 12-1. Pp. 211–213.

4. Ruzin S. V. Pravosoznanie promyshlennykh rabochih Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. i ego rol' v transformacii Rossijskogo gosudarstva : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. [Legal consciousness of industrial workers of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries and its role in the transformation of the Russian state: author's abstract to the dissertation for Candidate degree in Legal sciences] Vladimir, 2012.

5. Mironov B. N. Otnoshenie k trudu v dorevolucionnoj Rossii // Sociologicheskie issledovaniya. [Attitude to work in pre-revolutionary Russia // Sociological studies] 2001. No. 10. Pp. 99–108.

6. Zarudnyj M. I. Zakony i zhizn'. Itogi issledovaniya krest'yanskikh sudov. [Laws and life. Results of the study of peasant courts.] SPb. : Tip. Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoj E. I. V. Kancelyarii [Typography of the Second Department of His Imperial Majesty's Chancellery], 1874.

7. Tyutryumov I. Vnutrennee obozrenie. Krest'yanskij sud i nachala narodno-obychnogo prava // Russkoe bogatstvo. [Internal review. Peasant court and the principles of popular customary law // Russian wealth] 1883. No. 9. Pp. 184–225.

8. Pahman S. V. Obychnoe grazhdanskoe pravo v Rossii: Sobstvennost', obyazatel'stva i sredstva sudebnogo ohraneniya. Yuridicheskie ocherki. T. 1. [Customary civil law in Russia: Property, obligations and means of judicial protection. Legal essays. Vol. 1.] SPb. : Tip. Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoj E. I. V. Kancelyarii [Typography of the Second Department of His Imperial Majesty's Chancellery], 1877.

9. Mironov B. N. «Poslal Bog rabotu, da otnyal chert ohotu»: trudovaya etika rossijskikh rabochih v poreformennoe vremya // Social'naya istoriya. Ezhegodnik. 1998/99 [“God sent work, but the devil took away the desire”: the work ethic of Russian workers in the post-reform period // Social history. Yearbook. 1998/99]. M. : Rosspen [Publishing house], 1999. Pp. 243–286.

10. Kachorovskij K. R. Narodnoe pravo. [People's law.] M. : Molodaya Rossiya [Publishing house], 1906.

11. Mustafin R. R. Pravoprimeritel'naya deyatel'nost' prisutstvij po fabrichnym i gornozavodskim delam (1886–1917 gg.) // Istoriko-pravovye problemy: Novyj rakurs. [Law

enforcement activities of offices for factory and mining affairs (1886-1917) // Historical and legal problems: New perspective.] 2014. No. 7. Pp. 61–77.

12. Mikulin A. A. *Fabrichnaya inspeksiya v Rossii. 1882–1906.* [Factory inspection in Russia. 1882-1906] Kiev : Tip. S. V. Kul'zhenko [Typography of S. V. Kulzhenko], 1906.

13. Gvozdev S. *Zapiski fabrichnogo inspektora (iz nablyudenij i praktiki v period 1894–1908 gg.).* [Notes of a factory inspector (from observations and practice in the period 1894–1908)] M. : Tip. V. Rihter [V. Richter's typography], 1911.

14. Mironov B. N. *Social'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XX v.)* : v 2 t. T. 1. 3-e izd., ispr. i dop. [Social history of Russia during the imperial period (XVIII - early XX century): in 2 volumes. Vol. 1. 3rd ed., revised and enlarged] SPb. : Dmitrij Bulanin [Publishing house], 2003.

Андрей Юрьевич Лыков

*Преподаватель кафедры гражданского и
предпринимательского права Российской государственной
академии интеллектуальной собственности, соискатель
кафедры теории, истории государства и права ВГУЮ
(РПА Минюста России)
E-mail: lykov.science@gmail.com*

Баланс свободы труда и обязанности трудиться в содержании прогрессивного политико-правового идеала

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена необходимостью теоретического осмысления и поиска оптимального баланса между свободой труда и обязанностью трудиться в содержании прогрессивного политико-правового идеала, что особенно значимо для государств с обширными социальными программами. Предметом исследования выступает принцип эффективного обеспечения условий для трудовой деятельности, раскрывающей человеческие способности, и его конституционно-правовое воплощение. Методологию исследования составили сравнительно-правовой, исторический и системный подходы, а также формально-юридический анализ конституционных текстов. Научная новизна заключается в обосновании вывода о том, что моделирование прогрессивного политико-правового идеала должно включать признание права на труд в сочетании с формулированием гражданского долга осуществлять полезную для общества деятельность, что позволяет, с одной стороны, предотвратить принудительный труд, а с другой — подчеркнуть принцип социальной ответственности личности.

Ключевые слова: политико-правовой идеал, свобода труда, обязанность трудиться, принудительный труд, теория права.

Andrey Yuryevich Lykov

*Lecturer in the Department of Civil and Entrepreneurial Law
at the Russian State Academy of Intellectual Property, Degree
Applicant in the department of Theory, History of State and Law,
the All-Russian State University of Justice (RLA) Russian Law
Academy of the Ministry of Justice of Russia)*

The Balance of Labour Freedom and the Obligation to Work in the Essence of a Progressive Political and Legal Ideals

Annotation. The relevance of this article is served by the need for theoretical understanding and the search for an optimal balance between freedom to work and the obligation to work within the context of a progressive political and legal ideal, which is particularly significant for states with extensive social programs. The subject of this